

Нурбану ЖОЛДАСОВА

КЮИ ДЛЯ СЫБЫЗҒЫ И КУРАЯ: СООТНОШЕНИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ И МУЗЫКИ

Аннотация. В статье изложены результаты сопоставительного анализа казахских кюев для сыбызгы и башкирских кюев для курая в свете «смысловой и композиционной связи» повествования и музыки в их форме. Статья состоит из двух разделов. В первом разделе приведены наблюдения этномузыковедов, изучавших казахские и башкирские кюи. Некоторые из данных положений послужили методологической основой для нашего анализа. Объектом изучения являются кюи для сыбызгы восточного Казахстана, Баян-Олгейского региона Монголии и кюи для курая восточных, юго-восточных и южных районов Башкортостана. Они относятся к жанрам аңыз-күй по-казахски и легенда көйө по-башкирски (в переводе – «кюй-легенда») и арнау күй по-казахски (в переводе – «кюй-посвящение»). Цели анализа — выявить: а) сходство формы кюев на уровне связи повествования и музыки, б) сходные виды форм кюев для сыбызгы и курая, в) сходство функции музыки в данных формах. Основными методами изучения являются сопоставление и сравнение. Во втором разделе данные анализа показывают следующее. Имеются кюи для сыбызгы и курая с «сюжетным типом» «смысловой связи» повествования и музыки. При таком типе «смысловой связи» повествования и музыки образуются две формы «смешанного музицирования». Они типологически-общие для казахских и башкирских кюев. Первая – «кюй в легенде», вторая – «кюй-легенда». Имеются также кюи с «обобщённо-программным типом» «смысловой связи» повествования и музыки. При этом типе связи складывается только одна форма «раздельного музицирования», общая для казахских и башкирских кюев. Это форма «кюй и легенда». Следовательно, их существование в традиции свидетельствует о типологическом и, возможно, генетическом сходстве музыкально-поэтического мышления казахских и башкирских носителей инструментальной музыки.

Ключевые слова: сыбызгы, курай, күй, көй, типы «смысловой и композиционной связи» повествования и музыки в форме кюев, «сюжетный тип» «смысловой связи», формы «смешанного музицирования»: «кюй в легенде» и «кюй-легенда», «обобщённо-программный тип» «смысловой связи», «форма отдельного музицирования» – «кюй и легенда».

Sıbızgı və kuray üçün küylər: rəvayət və musiqinin nisbəti

Xülasə: Məqalədə sıbızgı üçün qazax və kuray üçün başqırd küylərinin “semantik və kompozisiya əlaqəsi” işığında müqayisəli təhlilinin nəticələri təqdim olunur. Məqalə iki bölmədən ibarətdir. Birinci bölmədə qazax və başqırd musiqisini tədqiq edən etnomüsiqişünasların müşahidələri təqdim edilmişdir. Tədqiqatın obyektini Şərqi Qazaxıstanın sıbızgı üçün, Monqolustanın Bayan-Olqey bölgəsi və Başqırdistanın şərq, cənub-şərq və cənub bölgələrinin kuray üçün küyləri təşkil edir. Onlar qazaxca anız-küy, başqırdca leqenda köyö (“kuy-əfsanə” kimi tərcümə olunur) və qazaxca “arnau küy” (“küy-ithaf” kimi tərcümə olunur) janrlarına aiddir. Təhlilin məqsədləri aşağıdakıları müəyyən etməkdir: a) rəvayət ilə musiqi arasındakı əlaqə səviyyəsində küy formalarının oxşarlığını, b) sıbızgı və kuray üçün küylərin oxşar forma növlərini, c) bu formalarda musiqinin funksiya oxşarlığını. Tədqiqatın əsas üsulları müqayisə və qarşılaşdırmaadır. İkinci hissədə təhlil məlumatları aşağıdakıları göstərir. Sıbızgı və kuray üçün rəvayət və musiqi arasında “semantik əlaqə”nin “süjet tipli” küyləri mövcuddur. Rəvayətlə musiqi arasındakı bu cür “semantik əlaqə” ilə “qarışıq musiqi ifasının” iki forması əmələ gəlir. Onlar tipoloji cəhətdən qazax və başqırd küyləri üçün ümumidir. Birincisi “əfsanədə küy”, ikincisi “küy-əfsanə”dir. Həmçinin rəvayət və musiqi arasında “semantik əlaqə” baxımından “ümumiləşdirilmiş proqram növü” küylər də vardır. Bu tip əlaqə zamanı qazax və başqırd küylərinin yalnız bir - “ayrılıqda musiqi ifası” forması yaranır. Bu, “kuy və əfsanə” formasıdır. Deməli, onların ənənədə mövcudluğu qazax və başqırd instrumental musiqi daşıyıcılarının musiqi və poetik təfəkkürünün tipoloji və bəlkə də genetik oxşarlığından xəbər verir.

Açar sözlər: sıbızgı, kuray, küy, köy, küy formalarında rəvayət və musiqinin “semantik və kompozisiya əlaqəsinin” növləri, “semantik əlaqənin” “süjet növü”, “qarışıq musiqi ifası” formaları: “əfsanədə kuy” və “kuy-əfsanə”, “semantik əlaqənin ümumiləşdirilmiş proqram növü”, “ayrılıqda musiqi ifası forması” - “küy və əfsanə”

Kuyis for sybyzgy and kurai: the relationship between narration and music.

Annotation: *The article presents the results of a comparative analysis of Kazakh kuyis for sybyzgy and Bashkir kuyis for kurai in the light of the «semantic and compositional connection» of narrative and music in their form. The article consists of two sections. The first section presents observations of ethnomusicologists, who studied Kazakh and Bashkir kuyis. Some of these provisions served as the methodological basis for our analysis. The object of study is the kuyis for the sybyzgy of eastern Kazakhstan, the Bayan-Olgei region of Mongolia and the kuyis for the kurai eastern, southeastern and southern regions of Bashkortostan. They belong to the genres of anyz-kuy in Kazakh and legenda köyö in Bashkir (translated as «kuy-legend») and arnau kuy in Kazakh (translated as «kuy-dedication»). The purposes of the analysis are to identify: a) the similarity of the form of kuis at the level of connection between narration and music; b) similar types of forms of kuis for sybyzgy and kurai; c) the similarity of the function of music in these forms. The main methods of study are comparison and comparison. The second section presents the data obtained from the analysis. They show the following. There are kuyis for sybyzgy and kurai with a «plot type» of «semantic connection» between narration and music. With this type of «semantic connection» between narrative and music, two forms of «mixed music-making» are formed. They are typologically common to Kazakh and Bashkir kuyis. The first is «kuy in the legend», the second is «kuy is the legend». There are also cues with a «generalized program type» of «semantic connection» between narration and music. With this type of connection, only one «form of separate music-making» develops, common to Kazakh and Bashkir kuyis. This is the form of «kuy and legend». Consequently, their existence in the tradition indicates a typological and, possibly, genetic similarity of musical and poetic thinking of instrumental music of Kazakh and Bashkir native speakers.*

Key words: *Sybyzgy, kurai, kuy, köy, types of «semantic and compositional coherence» of narration and music in the form of kuis, «plot type» «semantic coherence», forms of «mixed music-making»: «kuy in the legend», «kuy is the legend», «generalized program type», «semantic connection», «form of separate music-making» – «kui and legend».*

Свойством казахского и башкирского традиционного песенно-поэтического и инструментального творчества является симбиоз песни и связанного с ней повествования, инструментальной музыки и связанного с ней повествования. Оно типологически, а также, видимо, генетически общее.

Статья посвящена следующим вопросам: типы «смысловой и композиционной связи» повествования и музыки в структуре кюев для *сыбызгы* и *курая*; сходство кюев на уровне «смысловой и композиционной связи» повествования и музыки в форме целого (на материале кюев: восточного Казахстана, Баян-Олгейского региона Монголии, восточных, юго-восточных и южных районов Башкортостана). Цель исследования — выявить: а) сходство формы кюев на уровне связи повествования и музыки, б) сходные виды форм кюев для *сыбызгы* и *курая*, в) сходство функции музыки в данных формах.

Двуединство инструментальной музыки и связанного с ней с рассказа или легенды, получившее название «кюй», выражено в нескольких формах целого. Данные формы определяются соотношением в них устного повествования и музыки. Сначала приведём наблюдения этномузыковедов, изучавших соотношение повествования и музыки в казахских и башкирских кюях разных жанров.

Б.Г. Ерзакович обобщил, что в традиционном казахском инструментальном творчестве существовало две формы кюя-легенды, образовавшиеся как результат двух видов исполнения эпических сказаний и легенд [5, с. 156-229]. В обоих видах исполнения кюй-легенда кристаллизовалась в синкретическую форму, основанную на двуединстве повествовательного компонента – легенды, рассказа и музыки. 1 вид воплощения эпических сказаний и легенд исследователь определил как «музыкально-иллюстративный (фрагментарный)» [5, с. 168]. Он отличен тем, что в процессе повествования эпоса или легенды исполнитель иллюстрировал те или иные эпизоды сюжета музыкальными фрагментами в форме небольших кюев. В этой форме эпос и легенды исполняли как устно-профессиональные сказители эпоса, называемые *жырау/жыршы*, так и специализированные исполнители инструментальной музыки – *күйші*. В 1-м виде исполнения эпоса и легенд форма кюя-легенды как целое складывалась путем многократного чередования нескольких словесных и нескольких различных инструментальных построений. Её схему мы записали следующим образом: *П М П М ...* (*П* – «повествование», *М* – «музыка»). 2 вид исполнения эпических сказаний и легенд вызвал к жизни «музыкально-завершённые по форме произведения, имеющие самостоятельное художественное значение» [5, с. 219]. Этот вид исполнения характерен тем, что сначала пересказывалось содержание эпического сказания или легенды, а вслед за тем игрался кюй, который был тесно связан со сказанием или легендой. Во 2-м виде форма целого представляла собой бинарную структуру. Её схема: *П М*. Исполнителями эпических сказаний и легенд в этой 2-й форме кюя-легенды были не столько сказители, сколько, преимущественно, устно-профессиональных *күйші* [5, с. 219].

По заключению Т. Бекхожиной, в традиции существовали следующие формы целого кюя, образующиеся при соотношении в нём повествования и музыки: а) сначала исполнитель рассказывал повествование, затем играл музыку (*П М*); б) исполнитель делал перерывы при исполнении кюя, во время которых вносил устные пояснения для слушающих (*П М П М ...*); в) сначала исполнитель играл кюй от начала до конца, а затем рассказывал его поэтическое содержание (*М П*); г) в ряде случаев исполнитель ограничивал поэтическое содержание кюя только оглашением его названия без развёрнутого рассказа его истории или легенды. Нередко исполнение кюя не исчерпывалось лишь рассказом повествования и игрой музыки. Между игрой и повествованием исполнитель мог добавить от себя небольшие интересные рассказы на отвлечённые темы, иногда с элементами комического [2, с. 7-8].

А.И. Мухамбетова рассмотрела казахские кюи для *домбыры* разных регионов в свете их генезиса и типов программности. Из её наблюдений можно представить, что, наряду с формами, отмеченными Б.Г. Ерзаковичем и Т. Бекхожиной, в казахской традиции инструментального творчества существовали и другие формы кюя. Формы, ранее отмеченные Б.Г. Ерзаковичем и Т. Бекхожиной, а также эти другие формы, сгруппированные А.И. Мухамбетовой по критериям сюжетно-смыслового и сюжетно-композиционного соотношения в них повествования и музыки. Приводим эту классификацию: 1-я — форма смешанного музицирования «*кюй в легенде*», 2-я — форма смешанного музицирования «*кюй-легенда*», 3-я — форма раздельного музицирования «*кюй с легендой*», 4-я — форма раздельного музицирования «*кюй и легенда*» [10, с. 121, 127, 132, 140].

По мнению Р.Ф. Зелинского, «*башкирские программные инструментальные кюи следует также классифицировать по принципу реализации, развертывания программы в музыкальном тексте, то есть по типам программности. В инструментальном фольклоре башкир распространены сюжетно-событийный и символический типы программности, из которых последний оказался преобладающим.*» [6, с. 8].

Анализ кюев для *сыбызгы* и *курая* в свете перечисленных положений позволил нам сделать следующие заключения.

Типологически, а возможно, и генетически общим свойством кюев является то, что они как целое существуют благодаря двум видам связи устного повествования и музыки. Первым видом связи повествования и музыки является «смысловая связь», вторым видом их связи является «композиционная связь» [10, с. 120]. «Смысловая связь» бывает двух типов: 1-я — «сюжетного типа», 2-я — «обобщённо-программного типа» [10, с. 120]. В зависимости от типа «смысловой связи», образующейся между повествованием и музыкой,

складывается два типа их «композиционной связи» и, как следствие, — две «формы музицирования»: 1 форма получила название «смешанная форма музицирования», для неё характерен «сюжетный тип смысловой связи» повествования и музыки; 2 форма получила название «форма раздельного музицирования», для неё характерен «обобщённо-программный тип смысловой связи» повествования и музыки [10, с. 121, 131]. Общей чертой кюев для *сыбызгы* и *курая*, рассматриваемых в рамках данного исследования, является то, что они как двуединство повествования и музыки относятся к одной из этих двух «форм музицирования». Осветим эти общие «формы музицирования» в кюях *сыбызгы* и *курая*, а также «смысловую» и «композиционную» связи между повествованием и музыкой в них.

Кюи для сыбызгы и курая в «форме смешанного музицирования» (I общая форма).

В кюях для *сыбызгы* и *курая* с «сюжетным типом» «смысловой связи» между повествованием и музыкой их «композиционная связь» выражается двумя видами «формы смешанного музицирования». Первый вид называется «кюй в легенде» [10, с. 121], второй вид — «кюй-легенда» [10, с. 127]. Рассмотрим «сюжетный тип» «смысловой связи» повествования и музыки и их композиционное взаимодействие («композиционную связь») в каждом из двух общих видов «формы смешанного музицирования».

Первый общий вид «формы смешанного музицирования» — «кюй в легенде» [10, с. 121].

Первым общим видом «формы смешанного музицирования» в кюях для *сыбызгы* и *курая* является «кюй в легенде» [10, с. 121]. На материале казахских кюев-легенд для *домбыры* он получил следующее определение. «Кюй в легенде – это такая синкретическая форма, для которой характерно сюжетно-обусловленное включение инструментальных эпизодов в легенду.» [10, с. 121, 126-127, 142].

Сюжетно-смысловая и сюжетно-композиционная связи повествования и музыки в кюях для *сыбызгы* и *курая* в данном виде «формы смешанного музицирования» осуществляются следующим образом.

Первый общий признак кюев для *сыбызгы* и *курая* заключён в том, что они сходны по типу композиционной связи устного повествования и музыки. В них повествование чередуется с музыкой. Форма целого совпадает с формой кюя-легенды, образующейся в 1-м виде исполнения эпоса и легенд [5, с. 168] (схематический вид: П М П М ...).

Второй общий признак кюев для *сыбызгы* и *курая* состоит в том, что звучание музыки является органичным содержательным компонентом сюжета и связано с его развёртыванием. Нами были выделены несколько сюжетно-смысловых ситуаций в текстах

повествований, то есть легенд кюев, в которые органично включается звучание музыки. Перечислим эти ситуации.

Первая – звучание музыки отображает эмоциональное состояние персонажа.

В ряде кюев для *сыбызгы* и *курая* в их легендах имеются такие сюжетно-смысловые ситуации, в которых звучание музыки отображает эмоциональные состояния персонажа. В кюях для *сыбызгы* в жанре *аңыз-күй*¹ – это: а) печаль и плач персонажа легенды по определённому поводу: *Жорға аю, Бегім бер; Тоқта, Баяу, тоқта, Жетім қыз, Жетім бала*, а также б) исполнение персонажем кюя на *сыбызгы* в котором он изливает свою печаль — *Өрелі көк*. В кюях для *курая* в жанре *легенда көйө* – это: воодушевление или печаль, которые он выражает посредством пения (*Бала Карға, Кұңыр буқа, Ақһак кола, Кара юрға, Сыбай кашка, Сак-Сук*). В кюе для *курая* в жанре *арнау күй* – это воодушевление, выраженное посредством игры на *курае* — *Саптар юрға*.

В легенде кюя *Казанды алған көй* звучание музыки также обусловлено содержанием сюжета. Согласно ему, персонаж предания – *Сура-батыр*, реальное историческое лицо и герой эпических поэм казахского и башкирского народов (казахский *жыр Шора батыр* и башкирский *кобайыр Сура батыр*) перед началом освободительного похода на столицу средневекового тюркоязычного государства Казанского ханства – город Казань – сочиняет кюй и поручает играть его *курайсы*-всадникам, составлявшим передний фланг его войска. Перед отправлением в путь, кураисты играют кюй в унисон [4, с. 37-39]. Смысл музыки в данной сюжетной ситуации состоит не только в отображении звучания кюя, но и в передаче состояния эмоционального подъёма, воодушевления, в котором пребывают *Сура-батыра* и его воины, выступающие в поход.

В легенде кюя *Сыңрау торна* говорится, что юноша-*батыр* играет на *курае* кюй, повторяя «песню» голубых журавлей, которую он услышал, встретив их на лесной поляне недалеко от родного аула. Его тесть и все старейшины-аксакалы племени воспринимают эту «песню» как предупреждение о том, что в скором времени в этой местности будет большое военное сражение. Чтобы отразить нападение врагов, старейшины рекомендуют юноше подготовиться и собрать войско. В результате, предупреждённые и подготовленные к военному сражению воины-*батыры* племени успешно отражают натиск врагов [4, с. 1]. Согласно древним представлениям башкир, голубые журавли являются символами Верхнего Мира, тотемными птицами, носителями духов предков племени и его покровителями-защитниками, а юноша-*батыр* и его сородичи являются живыми

1 Это названия жанров казахских и башкирских традиционных кюев: 1) кюй-легенда (*аңыз-күй* по-казахски и *легенда көйө* по-башкирски), 2) кюй-посвящение (*арнау күй* по-казахски). Они рассматриваются в этой статье.

представители сообщества. Появление журавлей и их пение воспринимается старейшинами как знак от духов предков о необходимости подготовки к сражению, призыв к концентрации сил. По мнению Р.Ф. Зелинского, музыка этого кюя основанна на интонации военного родового клича – *орана*. В свете этой мысли функцию музыки в форме кюя можно понимать не только как напев, играемый юношей в подражание «песни» журавлей. Звучание музыки в форме целого символически равнозначно звучанию военного родового клича племени.

Второе – в «кюях в легенде» для *сыбызгы* и *курая* музыка также звучит в сюжетно-смысловых ситуациях устного повествования, отражающих традиционные обычаи казахов и башкир. Здесь звучание музыки отображает эмоциональное состояние персонажа, связанное с этими обычаями.

В казахской и башкирской культуре существовал обычай оплакивания посредством исполнения специальной обрядовой песни. И обычай, и песня назывались по-казахски *жоқтау*. Он получил отображение в сюжетах и содержании легенд следующих кюев для *сыбызгы* в жанре *аңыз-күй*: *Жетім қыз*, *Құр ғашық*, *Телқоңыр*, *Бозінген* (1 легенда), *Жорға аю* (2 и 3 легенды), *Бозінген*, *Бөкен жарғақ*.

В казахской и башкирской культуре также существовал обычай оплакивания посредством игры на музыкальном инструменте кюя, отвечающего данной ситуации. Он получил отображение в сюжетах и содержании легенд кюев для *сыбызгы* в жанре *аңыз-күй*: *Әбжатты жоқтау*, *Арбиянның қоңыры* и кюя в жанре *легенда көйө* для *курая* *Турат сағылы*. В свете это обращают на себя внимание две типологически сходные по смыслу легенды: кюя для *сыбызгы* *Арбиянның қоңыры* и кюя для *курая* *Турат сағылы*. В легенде кюя *Арбиянның қоңыры* старый охотник, оплакивая гибель сына, играет на *сыбызгы* кюй-плач, в котором изливает свою скорбь; в легенде кюя *Турат сағылы* юноша-*курайсы* оплакивает гибель коня-друга и выражает свою печаль посредством исполнения на *курае* кюя-плача. Очевидно, что сюжетно-смысловое и сюжетно-композиционное соотношение повествования и музыки в этих двух кюях сходно (возможно, типологически и генетически).

В казахской культуре существовал обычай утешения скорбящего, называемой по-казахски *жұбату* (утешать) либо в устной иносказательной форме, либо посредством игры на музыкальном инструменте кюя, соответствующего данной ситуации. Он получил отображение в легендах кюев для *сыбызгы* в жанре *аңыз-күй* *Талшыбық бәйбишенің күйі* и *Хан жұбату*. В первом кюе звучание музыки по смыслу равнозначно устной прямой речи персонажа, произносимой им с целью утешения скорбящего человека. Во втором кюе, согласно сюжету, персонаж легенды играет кюй на *сыбызгы*, чтобы утешить хана,

скорбящего о гибели сына. Здесь создание-исполнение кюя по смыслу также равнозначно устной прямой речи персонажа легенды, в данном случае — музыканта.

В казахской традиционной культуре также существовал обычай прощания *қоштасу*. Прощание *қоштасу* имело форму ритуала, при котором отъезжающий пел песню или играл инструментальную пьесу на одном из традиционных музыкальных инструментов. Музыкальные произведения – песня или кюй, исполняемые при прощании, также назывались *қоштасу*. Этот обычай отображён в сюжетах и содержании легенд следующих кюев для *сыбызгы* в жанре *аңыз-күй*: *Жамал-ай*, *Қош-есен бол*, *Керейге ел*, *Жалғыз жігіт*, *Қоштасу*. Как и при обычае *қоштасу*, так и в сюжетах легенд кюев для *сыбызгы* музыка – кюй или песня, исполненные самим персонажем повествования либо другим лицом, выполняли (замещали) функцию его устной прямой ритуальной речи, отвечающей данной сюжетно-смысловой ситуации — прощанию и имели символическое значение.

Перечисленные сюжетно-смысловые ситуации в повествованиях кюев для *сыбызгы* и *курая*, отражающие традиционные обычаи казахов и башкир (оплакивание, утешение и прощание) — это поэтические «канонические модели», присущие текстам целого ряда кюев. По нашим наблюдениям, общим признаком в развёртывании сюжета легенд и преданий кюев для *сыбызгы* и *курая* и, как следствие — в форме целого — является то, что звучание музыки выполняет функцию «эмоционального усиления» «...того или иного запрограммированного по ходу действия сюжетного кадра.» [6, с. 14-15].

Следовательно, общее свойство большинства кюев для *сыбызгы* и *курая* в 1 виде «формы смешанного музицирования» — «кюй в легенде» – заключено в том, что звучание музыки, обусловленное развёртыванием сюжета, в контексте целого выполняет функцию «эмоционального усиления» [6, с. 14-15] душевных выражений персонажа, сопровождаемых исполнением песни или игрой на музыкальном инструменте. Наряду с этим, в нескольких кюях для *сыбызгы* и *курая*, в сюжетах легенд которых отображены традиционные обычаи казахов и башкир, звучание музыки включает в себе функцию обобщённого символа – прощания *қоштасу*, утешения *жұбату*, оплакивания *жоқтау*, башкирского военного родового клича *орана*.

Общность поэтики кюев для *сыбызгы* и *курая* в жанрах *аңыз-күй/легенда көйө и арнау күй* в 1 виде «формы смешанного музицирования» — «кюй в легенде» заключена в том, что персонажи легенд – исполнители музыки являются типизированными, собирательными образами. Они же встречаются и в других жанрах устного словесного творчества обоих народов, таких, как: легенды, предания и эпические сказания. Это: *Қозы-Көрпеш* в кюе для *сыбызгы* *Қош-есен бол*, также являющийся одноимённым персонажем в

казахском и башкирском лиро-эпосах, а также в эпосе алтайцев [11], некий устно-профессиональный *күйші* в кюе для *сыбызгы Хан жұлбаты* и в кюе для *курая Турат сағылы*, юноша в кюе для *сыбызгы Жамал-ай*, юноша – *батыр* или *курайсы* в ряде кюев для *курая*. Только в легенде *кюя Казанды алган көй* музыка исполняется группой *батыров* и *кураистов*.

Второй общий вид «формы смешанного музицирования» — «кюй-легенда» [10, с. 127].

Вторым общим видом «формы смешанного музицирования» в кюях для *сыбызгы* и *курая* является «кюй-легенда» [10, с. 127]. На материале кюев-легенд для *домбыры* он получил следующее определение: «Кюй-легенда – это такая синкретическая форма, в которой отдельные эпизоды легенды иллюстрируются музыкальными фрагментами.» [10, с. 127].

Наш анализ показал, что кюи для *сыбызгы* и *курая* представлены только одним видом «формы смешанного музицирования» – «музыкально-завершённым по форме произведением» [5, с. 219]. На материале кюев-легенд для *домбыры* он получил следующее определение. «...легенда рассказывается сразу целиком, а затем следует изложение всех музыкальных фрагментов в виде кюя – в той последовательности, которая предопределена сюжетом. ...музыкальные фрагменты иллюстрируют словесный текст, их образное содержание и следование во времени подчинено сюжету легенды. В синкретической форме кюй-легенда сюжетно-смысловая связь между рассказом и музыкой сохраняется, существование музыкально-иллюстративного и музыкально-завершённого варианта этой формы свидетельствует о тенденции к ослаблению сюжетно-композиционной связи (ослабление обозначаем маленькими буквами – ск). Композиция целого – результат взаимодействия рассказа и музыки на уровне ск и СС связей». [10, с. 130, 142, 143].

Кюи для *сыбызгы* и *курая*, выраженные второй общей «формой смешанного музицирования» — «кюем-легендой», сходны по жанру и по типу «композиционной связи» между повествованием и музыкой. Они представлены жанром *аңыз-күй/легенда көйө*. В них повествование предшествует музыке – оно исполняется после окончания легенды, предания или сказания. Данный тип композиционной связи отображается формулой *П М*.

Типологически, а возможно, и генетически-общий признак кюев для *сыбызгы* и *курая* в жанре *аңыз-күй/легенда көйө* состоит в том, что звучание музыки выполняет одну из следующих смысловых функций.

Первая функция заключена в отображении разных видов движения в реальном или в мифопоэтическом пространстве. Это: народный женский танец (в кюе для *сыбызгы* в жанре

аңыз-күй *Кербез қыз*), бег, скачек домашних животных (в кюях для *сыбызгы* в жанре *аңыз-күй*: *Көк бұқа, Көк серке, Тепеңкөк, Ақсақ қой, Желмая*; в кюях для *курая* в жанре *легенда көйө*: *Кара-юрға, Саптар юрға, Ақһак кола, Сыбай кашка*) и лесных зверей (в кюях для *сыбызгы* в жанре *аңыз-күй*: *Жорға аю*).

Заметим, что музыка кюев для *курая* в жанре *легенда көйө* *Кара-юрға, Саптар юрға, Ақһак кола, Сыбай кашка*, ранее отмеченных в связи с формой «кюй в легенде», вместе с функцией «эмоционального усиления» [6, с. 14-15] душевных проявлений персонажа, также выполняет функцию отображения скачки коня. Можно утверждать, что по соотношению повествования и музыки эти кюев совмещают признаки двух форм – это «кюй в легенде» и «формы смешанного музицирования» «кюй-легенда», то есть отличаются «*диффузностью*» [3, с. 236-266] формы целого.

Вторая функция заключена в том, что звучание музыки включает элементы звукоподражания голосам птиц — трелям соловья в кюе для *сыбызгы* в жанре *арнау күй* *Бұлбұл торғай*, кукованию кукушки в кюях для *курая* *Кәжук* и *Кыр кәжуге*.

Кюи для сыбызгы и курая в «форме отдельного музицирования» (II общая форма).

В этой форме повествование предшествует музыке, звучащей после окончания повествования.

В кюях для *сыбызгы* при «*обобщённо-программном типе смысловой связи*» между повествованием и музыкой их «*композиционная связь*» выражается двумя видами «*формы отдельного музицирования*». Первый вид называется «кюй с легендой», второй вид называется «кюй и легенда». Это произведения в жанре *аңыз-күй*: *Көк бұқа, Жаралы ақ бөкен* и *Сары өзен*.

В кюях для *курая* при «*обобщённо-программном типе смысловой связи*» между повествованием и музыкой их «*композиционная связь*» выражается только одним видом «*формы отдельного музицирования*» — это «*кюй и легенда*».

Следовательно, общим видом «*формы отдельного музицирования*» среди кюев для *сыбызгы* и *курая* является вид «*кюй и легенда*». На материале домбровых кюев он получил следующее определение: «...отсутствует программная связь между рассказом и музыкой. ...В силу отсутствия программно-смысловой связи между рассказом и музыкой в этой группе кюев и легенд, синкретическая форма как художественное целое распадается, превращаясь в музыкальную форму со словесным вступлением» [10, с. 140-142].

Рассмотрим «*обобщённо-программный тип смысловой связи*» между повествованием и музыкой и их композиционную связь в данном виде — «*кюй и легенда*».

В кюях для *сыбызгы* и *курая* в «форме раздельного музицирования» в виде «кюй и легенда» целое складывается таким образом, что устное повествование кюя предшествует его музыке. Она отображается формулой П М (кюй для *сыбызгы* в жанре *арнау күй: Өрелігер, Балжыңгер, Майдажал, Бозжорға, Бейжін Сарыатан*, в жанре *аңыз-күй Балжыңкер*; кюй для *курая* в жанре *арнау күй: Ыыл башы йәки Карға буткаһы, Күк дунән, Дим буйы буртә ат*, в жанре *легенда көйө Ак яурын сал бөркөт*).

Повествования казахских и башкирских кюев в виде «кюй и легенда» представляют собой следующие жанры: предание (кюй для *курая* в жанре *арнау Дим буйы буртә ат*), легенда и устный народный рассказ. Особенность данной «формы раздельного музицирования» заключена в том, что в содержании выделен мотив-импульс, вызвавший к жизни данный кюй. Предания, легенды и рассказы повествуют об истории появления кюя, о том, что, когда и при каких обстоятельствах побудило автора к созданию данного произведения.

Наш анализ преданий, легенд и рассказов кюев для *сыбызгы* и *курая* в виде «кюй и легенда» показал, что в их сюжетах имеются следующие общие мотивы. Одним из старинных традиционных обычаев, типологически-общих, а также возможно, что и генетически-общих в казахской и башкирской культурах и в инструментальном творчестве обоих народов являлся обычай посвящать кюй. Кюй посвящались конкретному лицу, любимому скакуну или какому-либо событию из жизни автора. Поэтому одним из ключевых мотивов в кюях жанра *арнау* («кюй-посвящение») является мотив посвящения традиционного музыкального произведения, специально сочинённого по данному поводу. Примечательно, что и собственно мотивы повествований данной подгруппы кюев типологически едины – это мотив посвящения кюя: определенному лицу (близкому человеку, родственнику, родственнице), верному другу кочевников – коню, победившему на скачках. Второй мотив – это мотив объяснения названия кюя (кюй для *курая* в жанре *арнау Ыыл башы йәки Карға буткаһы*). Третьим является побудительный мотив создания кюя; нередко он совмещён с мотивом посвящения кюя (примером служит так же кюй *Ыыл башы йәки Карға буткаһы*), то есть оба мотива дополняют друг друга, Это свидетельствует о чертах «диффузности» [3, с. 236-266] в поэтике данных кюев.

Наличие этих трёх общих мотивов в устных повествованиях кюев для *сыбызгы* и *курая* в виде «кюй и легенда» позволяет предполагать об их типологической и генетической общности.

Как следует из наших наблюдений, в видах «кюй с легендой» и «кюй и легенда», звучание музыки в контексте целого не обусловлено развёртыванием сюжета, не

иллюстрирует содержание легенды или её эпизодов. Оно, преимущественно, передаёт определённое эмоциональное состояние. В этом и состоит общий признак кюев для *сыбызгы* и *курая* в виде «кюй и легенда».

Таким образом, в кюях для *сыбызгы* и *курая* данных жанров два вида «формы смешанного музицирования» — это «кюй в легенде» и «кюй-легенда» и первый вид «формы отдельного музицирования» «кюй и легенда» являются типологически и, возможно, генетически общими. Их существование в традиции свидетельствует о типологическом и, возможно, генетическом сходстве музыкально-поэтического мышления казахских и башкирских носителей инструментальной музыки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкирские народные песни / Сост., ред. Х.Ф. Ахметов, Л.Н. Лебединский, А.И. Харисов. Уфа: Башкнигоиздат, 1954, 326 с. [Bashkirskie narodnye pesni / Sost. red. H.F. Ahmetov, L.N. Lebedinskij, A.I. Harisov. Ufa: Bashknigoizdat, 1954, 326 s.]

2. Бекхожина Т. Даламның назды саздары. Алматы: Онер, 1996, 208 с.

3. Галицкая С.П., Плахова А.Ю. Монодия: проблемы теории. Москва: Academia, 2013, 320 с. [Galickaja S.P., Plahova A. Ju. Monodija: problemy teorii. Moskva: Academia, 2013, 320 s.]

4. Дияров К. Сал Уралдың мондары. Төзөүселәре Р. Шәкүр, Ф Камаев. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1988, 151 б.

5. Ерзакович Б.Г. Музыкальное воплощение эпических сказаний и легенд // Ерзакович Б.Г. Песенная культура казахского народа. Музыкально-историческое исследование. Алма-Ата: Наука, 1966, 402 с. с. 155-229 [Erzakovich B.G. Muzykal'noe voploshenie jepicheskikh skazanij i legend / Erzakovich B.G. Pesennaja kul'tura kazahskogo naroda. Muzykal'no-istoricheskoe issledovanie. Alma-Ata: Nauka, 1966, 402 s. S. 155-229]

6. Зелинский Р.Ф. Композиционные закономерности башкирских программных инструментальных кюев: Автореф. дис. ...канд. иск. Ленинград: ЛГИТМиК, 1977, 21 с. [Zelinskij R.F. Kompozicionnye zakonomernosti bashkirskih programmnyh instrumental'nyh kjujev: Avtoref. Dis. ...kand. isk. Leningrad: LGITMiK, 1977, 21 s.]

7. Қазақ халқының аспап музыкасы. Домбыраға, қобызға және сыбызғыға арналған күйлер / Құрастырушы З. Жанузакова. Алматы: Ғылым, 1964, 248 б.

8. Лебединский Л.Н. Башкирские народные песни и наигрыши. 2 изд. Москва: Музыка, 1965, 246 с., нот. [Lebedinskij I.N. Bashkirskie narodnye pesni I naigryshi. 2 izd. Moskva: Muzyka, 1965, 246 s., not.]

9. Мұқышев Т. Сыбызғы сазы. Моңғолиядағы Баян-Өлгей қазақтарының сыбызғы күйлері. Музыкалық білім беретін оқу орындарына арналған оқу құралы. Алматы: Өнер, 2005, 80 с.

10. Мухамбетова А.И. Генезис и эволюция казахского кюя (типы программности) // Аманов Б.Ж., Мухамбетова А.И. Казахская традиционная музыка и XX в. Алматы: Дайк-Пресс, 2002, 544 с. с. 119-152 [Muhambetova A.I. Genezis i jevoljucija kazahskogo kjuja (tipy programmnosti) / Amanov B.Zh., Muhambetova A.I. Kazahskaja tradicionnaja muzyka i XX v. Almaty: Dajk-Press, 2002, 544 s. S. 119-152]

11. Смирнова Н. Сюжет и жанр (об этнических версиях «Козы-Корпеш») // Известия АН КазССР. Серия филологическая. Алма-Ата: Наука, 1977, № 2, с. 1-7 [Smirnova N. Sjuzhet i zhanr (ob jetnicheskih versijah «Kozy-Korpesh») // Izvestija AN KazSSR. Serija filologicheskaja. Alma-Ata: Nauka, 1977, № 2, s. 1-7]

12. Сөләймәнов Р.С. Башкорт халык музыка сәнғәте. I том. Эпик йырзар һәм көйзәр. Өфө: Китап, 2001, 240 с.